

ТЕОРИЯ ПРЕСТУПНОСТИ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Евгений Семенович Жигарев, профессор кафедры криминологии, доктор юридических наук, профессор, Почетный член (академик) Российской академии естественных наук (РАЕН)
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д.12)
E-mail: office@unity-dana.ru

Аннотация. Исследуется ряд теоретических постулатов, касаемых преступности, сущность которых авторы анализируемого учебника «Криминология» методологически связывают с категориями диалектического материализма, что не могло не вызвать сомнение, потому что преступность как совокупность субъективных психических действий индивидуумов по определению не может быть объяснима категориями объективной диалектики. Приведенный сравнительный анализ как раз подтвердил эту точку зрения: сформулированные авторами в учебнике утверждения действительно не соответствуют не только материалистической диалектике, но и противоречат социологической теории и лингвистическому смыслу.

Ключевые слова: преступность, социальное явление, диалектический материализм, система, общество, общее, особенное, единичное, понятие, диалектическое единство, часть и целое, необходимость и случайность.

CRIME THEORY: MYTHS AND REALITY

Evgeny Semenovich Zhigarev, Professor, Department of Criminology, Doctor of Law, Professor, Honorary Member (Academician) of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS)
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: office@unity-dana.ru

Annotation. A number of theoretical postulates concerning crime, the essence of which the authors of the analyzed textbook "Criminology" methodologically associated with the categories of dialectical materialism, which could not but raise doubts, are investigated. Because crime as a set of subjective mental actions of individuals by definition can not be explained by the categories of objective dialectics. The given comparative analysis just confirmed this point of view: the statements formulated by the authors in the textbook do not correspond not only to materialistic dialectics, but also contradict sociological theory and linguistic sense.

Keywords: crime, social phenomenon, dialectical materialism, system, society, general, special, singular, concept, dialectical unity, part and whole, necessity and chance.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Жигарев Е.С. Теория преступности: мифы и реальность. 2019;(5):122–128.

«Поистине немалая прелесть теории — в её опровержимости».

Ф. Ницше

«Теория может быть...оказаться в безнадежном проигрыше, как только начинает претендовать на открытие универсальных истин».

Р. Рорти

Еще с советских времен сложилось так, что изучение теоретической (общей) части учебной дис-

циплины «Криминология» начинается как бы с главных элементов ее предмета: с понятия преступности как социального явления и её причин. А по существу с познания некоего умозрительно сформулированного абстрактного тезиса о преступности, возведенной в ранг самостоятельно существующего материального образования (явления), якобы развивающегося в силу собственных причин. Видимо, поэтому криминологи и сейчас считают, что для научных криминологических исследований основное значение имеет понятие преступности [5, с.191].

Но почему именно умозрительное представле-

ние о преступности криминологи продолжают выдвигать на авансцену в качестве главного предмета криминологической дисциплины, игнорируя при этом самый важный и основной — личность преступника, являющуюся действительным продуцентом преступности? Думается, что положение объясняется бездумным ориентированием криминологов на принятый однажды ложный постулат, что преступность есть социальное явление. Например, в первом учебнике по криминологии И.И. Карпец во введении писал: «Если буржуазная криминология концентрирует свое внимание на «преступной личности»... то советская криминология изучает преступность, ее причины и условия... как социальное явление» [3, с.4]. Кстати, в приведенном тезисе заложено еще одно ошибочное мнение, что преступность порождается социальными явлениями (причинами). Как представляется, эти обстоятельства и предопределили ход развития советской криминологии по сомнительному пути.

Обозначив преступность социальной категорией, самостоятельно существующим явлением, криминологи взялись за формулирование ее научного определения, которое отражало бы ее реальные признаки. К оформлению дефиниции преступности они подходили весьма серьезно, зная наперед, что классики учения диалектического материализма, являющегося до сих пор методологическим ориентиром для криминологической теории, высоко ценили понятие как одну из форм отражения мира в мышлении, с помощью которой познается сущность реальных явлений, обобщаются их существенные стороны и признаки. В этой связи, пожалуй, будет уместно привести требование, предъявляемое В.И. Лениным к понятиям вообще, которые, говорил он, должны быть «обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны (т.е. относительны — поясненное), взаимосвязаны, едины в противоположностях...» [9, с. 354-355], как подвижны и гибки сами явления и процессы действительности, общением которых они являются.

Пожалуй, классик марксизма имел в виду понятия о реальных предметах, а не о мысленных предположениях. Да и диалектический материализм считает, что полноценными являются не общие дефиниции, а лишь те понятия, которые отражают сущность единичных, реально существующих явлений. А реально существуют лишь отдельные преступления и лица, их совершившие, но не умозрительные представления криминологов — детерминистов, облакающих их в абстрактные, чисто мысленные образы, к которым относится основополагающее выражение, уже ставшее аксиологическим, что преступность — социальное явление.

В этой связи следует привести конкретные де-

финиции преступности, отразившие изменения, произошедшие в социальной сфере в период развития советского и постсоветского общества.

Так, в середине 60-х годов прошлого столетия советские криминологи сформулировали следующую дефиницию: «преступность — социальное и исторически обусловленное явление». Оно возникает на определенной стадии развития общества, с появлением частной собственности, разделением общества на классы и образованием государственной власти» [3, с.53. Выд. курс. мною]. В данной дефиниции пока нет категорических утверждений, что преступность классово обусловлена и имеет приходящий характер. Однако в приведенном понятии преступности делается лукавый акцент, что её возникновение детерминировано определенным развитием общества, и, в частности, появлением классов, государства и частной собственности.

Затем эта точка зрения постепенно эволюционировала и впоследствии преступность стала позиционироваться сразу в двух ипостасях: теоретической (или научной) и практической (или действительной). А именно: «преступность — это возникшее в эксплуататорских общественно-экономических формациях классово-обусловленное, исторически преходящее, изменяющееся, носящее антагонистический характер социально-правовое явление, включающее в себя совокупность всех преступлений, совершенных в данном обществе и в данный период, и характеризующееся количественными (динамика, состояние) и качественными (структура, характер) показателями» [6, с.138. Выд. курс. мною].

Как видим, теоретическая часть понятия преступности существенно изменилась. В приведенной дефиниции уже в категорической форме утверждается, что она порождена (обусловлена) классовым антагонизмом и, естественно, отомрет (ведь она имеет приходящий, то есть временный, характер), как только исчезнет коренная ее причина — эксплуатация человека человеком, то есть с изменением социальных условий жизни людей.

Но буквально через семь лет один из авторов этого учебника И.И. Карпец откровенно признает идеологическую подоплеку этого утверждения и скажет, что преступность есть явление, присущее любой социально-экономической и политической системе. Следовательно, преступность не порождена эксплуатацией, классовым антагонизмом и частной собственностью — все это оказалось лукавством, вымыслом. На самом деле она вне политики и идеологии, вне социально-экономических отношений. И это верно. Просто нужно было этим криминологам обратить внимание на преступность не с идеологических позиций монистического учения марксизма, а с практической, с действительной,

которая связана с личностью человека, совершившего преступление.

Ведь в это время наши оппоненты — западные криминологи занимались изучением истинного детерминатива преступности — личности индивидов, совершающих преступления. И в этой связи они преступность связывали с самим человеком, с его психикой и нравственным состоянием, которое перманентно деградирует. Поэтому они считают ее атрибутом общества, при этом подчеркивая, что преступность — это явление столь же естественное, как зачатие, рождение и смерть. В этой связи можно согласиться с нашими западными коллегами, считающими, что преступления порождаются низменными страстными пороками самих людей, поэтому имеют надгосударственный и надсоциальный характер.

Сегодня постсоветская криминология (в частности, учебник под редакцией Г.А. Аванесова) пропагандирует следующее понятие: «преступность есть относительно массовое, исторически изменчивое, социально-правовое, антиобщественное явление, слагающееся из совокупности действий, запрещенных уголовным законом (преступлений), совершаемых в данном государстве в тот или иной период времени» [5, с. 202. Выд. курс. мною].

Данная дефиниция преступности также состоит из двух частей: теоретической и практической. Однако теоретическая часть претерпела радикальные изменения и стала существенно отличаться от советской версии преступности. Авторы приведенного учебника из понятия преступности исключили антагонистический признак и классовую обусловленность, а также ее приходящий характер, выражающий временное её присутствие в обществе.

Однако преступность криминологи продолжают по-прежнему считать неким *явлением* (автор специально выделил этот термин курсивом), неким самостоятельным образованием, существующим в силу собственных социальных причин. Но так ли это? В этом как раз и следует нам разобраться. Попытаемся с философской и лингвистической позиций проанализировать сущность термина «явление» и затем уже сделать окончательный вывод по отношению к самой преступности.

Итак, диалектический материализм, являющийся методологической основой приведенного учебника, рассматривает категорию «явление» в неразрывной связи с категорией «сущность». Но отмечает их отличие, которое видит в том, что сущность предмета — это внутренние его свойства, а явление — внешние свойства, через них предмет являет себя объективной действительности и чувствам человека.

Обратим внимание на тот факт, что явление

предполагает реальный предмет, присутствующий в окружающей действительности. В этой связи нужно признать, что только преступления могут являть себя посредством противоправных действий конкретных лиц и наносимым ущербом, материализовавшимся в определенных формах вреда.

Даже краткое толкование диалектическим материализмом парных категорий «сущность» и «явление» приводит к однозначному выводу, что многоликая и разнопредметная преступность в принципе не может рассматриваться как явление. А вот каждое по отдельности преступление и лицо, его совершившее, на самом деле, и есть явления, имеющие свою собственную сущность, или, по-другому, свои неповторимые внутренние признаки и свойства. Преступность же, в связи с изложенной трактовкой диалектическим материализмом термина «явление», своих собственных, сущностных признаков иметь не может по определению. Она также не имеет и внешних собственных свойств, благодаря которым могла бы открыться чувствам или взору криминолога. Поэтому криминологи как и практические работники правоохранительных органов наблюдают преступность, отраженную в уголовной статистике математическим числом.

Кстати, любое единичное материальное явление и реально (т.е. не воображаемое) и действительно (т.е. не выдуманное), потому что имеет свое очертание (форму), в связи с чем оно и наблюдаемо, и чувственно воспринимаемо. Преступность же не имеет своей формы, т.к. представляет собой, образно говоря, некую киношную ленту, беспрестанно проектируемую на экран под названием «общество» разнообразные виды совершаемых людьми преступлений. И этот процесс постоянный пока существуют на земле люди. В этой связи на память приходят слова главного героя телефильма «Черта» — оперативного сотрудника уголовного розыска Топалова, сказавшего: «Преступность прекратится с последним человеком на земле». И с этими словами, к сожалению, нужно согласиться.

Словарь русского языка С.И. Ожегова термин «явление» также трактует, как событие, случай, т.е. в единственном числе. Единственное число, кстати, категория грамматическая, обозначающая, что речь идет об одном: или предмете, или факте, или лице [8, с.814]. Следовательно, и с лингвистической позиции называть преступность неким явлением не только некорректно, но и безграмотно.

Однако, неудачное отождествление преступности с социальным явлением в некоторой мере можно увязать со способностью человека представлять мысленные отвлеченные образы (воображения) как реально существующими. Кстати, такую способность В.И. Ленин признавал «величайшей ценно-

стью». Его высокая оценка человеческой способности воображения в какой-то мере объяснима, ибо он сам был величайшим мечтателем, представлявшим некое социальное устройство, именуемое коммунизмом, в котором буквально все будет обобществлено.

Но воображение любого человека основано не на реальности, а чаще всего является необоснованным предположением. Так случилось и в отношении понятия преступности как явления. Этот факт нужно иметь в виду нынешним криминологам, продолжающим поддерживать эту догму. Кстати сказать, юридическая теория и правоохранительная практика свидетельствует, что любое общество поражено не только криминальными явлениями, но и различными иными противоправными явлениями, регулируемые административным, гражданским и другими отраслями права. Тем не менее, никто из теоретиков — административистов или цивилистов пока еще не додумался назвать многомиллионную массу самостоятельных деликтов социальным явлением. Как видим этот вздор присущ только криминологам.

И все же, если предположительно допустить, что преступность — явление, тогда, в таком абстрактном представлении, её невозможно было бы изучать и познавать. Этот вывод можно подтвердить таким образом. Как известно, криминологическая теория (как, впрочем, и любая другая) использует прием гипотетического суждения. Суть такого суждения заключается в следующем: если есть реальное А, то есть и предполагаемое В. Суждение является гипотетическим если действительность второго положения (В) обусловлена действительностью первого положения (А). Но если первичное А (под ним понимается преступность как реальное явление) вымышленное (а преступность в образе явления на самом деле мысленное представление), следовательно, применение гипотетических суждений исключается, и теория развиваться не способна. Поэтому, представляя преступность мифическим явлением и наделяя эту нереальность надуманными признаками, авторы указанного учебника формируют теорию преступности на основе своего воображения, т.е. не реальную, а мнимую.

Лукаво обозначив преступность социальным явлением, криминологи, чтобы эта теория отвечала требованию научности, стали наделять это несуществующее материальное образование различными сомнительными признаками, взятыми из диалектического материализма, при этом, может по недоразумению, радикально переименовав их сущность. Чтобы не быть голословным, некоторые из них мы должны рассмотреть и сделать соответствующий вывод.

Во-первых, авторы названного учебника необоснованно рассматривают преступность как некое

целостное образование и в этой связи объявили ее чем-то большим, чем сумма ее частей, то есть преступлений, из которых она состоит. Но так ли это на самом деле?

Диалектический материализм считает, что действительное объективное отношение «часть-целое» находит свое выражение в двух наиболее общих типах: неорганическом и органическом. (Однако неизвестно, к какому типу относят эти криминологи преступность). Неорганическое целое как форма, объединяющая ее части — атомы, молекулы, кристаллы и т.д., естественно, будет чем-то большим и по своему качеству (достоинству), и по назначению (функционалу). В этой связи вспомним изречение И.В. Гете: «Функция — это мыслимое нами в действии» [10, с.498].

Действительно же в каждом преступлении воплощены осмысленные действия личности человека, в том числе и его цель. Преступность же как предполагаемое явление никем не осмысливается и никакими самостоятельными деятельными функциями не воспроизводится. Она представляет собой совокупность уже воспроизведенных конкретными лицами противоправных действий. Поэтому напрасны попытки А.И. Долговой обосновать, что преступность нечто большее, чем сумма преступлений (частей), ее составляющих, фантастически сравнивая ее с океаном, а преступления с каплями воды, из которых он состоит. Вот что пишет А.И. Долгова: «При слиянии многих капель возникают ручейки, реки, моря, океаны. Если взять каплю воды из океана ее можно анализировать в аспекте выявления указанных характеристик. Но в океане существуют явления, не свойственные капле воды: отливы и приливы, штормы, течения и т.п. То же самое происходит и в преступности» [4, с.73].

В этой связи можно напомнить, что было время, когда вообще не существовало уголовной статистики — прообраза океана и как-то обходились без вычурных ее определений и сравнений.

Однако из этого предположения логически вытекает другое, противоположное первому, суждение: зарегистрированная преступность, наоборот, всегда будет чем-то меньшим, чем реальная, которая включает в себя незарегистрированные, так называемые латентные преступления.

Из сказанного, можно сформулировать следующий вывод: если преступность не является неорганическим предметом, следовательно, она не имеет никакого отношения к философским категориям диалектического материализма «часть» и «целое», которыми обозначают отношения между различными его сторонами.

Во-вторых, авторы анализируемого учебника «Криминология» некорректно сравнивают преступ-

ность и однородные группы преступлений с философскими категориями диалектического материализма «общее» и «особенное» [5, с.202]. Потому что материалистическая диалектика не признает категории «общее» и «особенное» в качестве самостоятельных явлений, реально существующих в естественном мире. Так называемое «общее», с точки зрения апологетов этого учения, всегда рассматривается в неразрывной связи с единичным. Ибо диалектический материализм решительно выступает против всякого превращения всеобщего (либо общего) в независимую, самостоятельную реальность [7, с. 91].

Диалектический материализм также отрицает существование «особенного» в качестве самостоятельного явления. «Единичное всегда выступает как особенное, поскольку оно, будучи присущим только данному материальному образованию, отличается от любых других материальных образований» [1, с.233]. То есть каждый единичный, отдельный предмет (явление) в то же время и особенный, ибо он неповторим.

Из сказанного можно заключить, что каждое преступление по отдельности имеет общие признаки, присущие всем преступлениям (например, противоправность и др.), но в то же время оно по своей сущности, по характеру и особенное.

В-третьих, в связи со сравнением преступности с философской категорией «общее», а однородных групп преступлений с категорией «особенное», якобы существующих в качестве самостоятельных материальных образований, авторы этого умозаключения определили этими же терминами и их причины. В этой связи они заявили, что причины социального порядка распадаются на три класса — первый, второй и третий, имея в виду, что причины первого класса («общее») детерминируют преступность в целом, а причины второго класса («особенное») обуславливают группы однородных преступлений. [5, с.230]. Хотя даже не специалистам ясно, что причины действий связаны с психикой человека, и каждый раз проявляются они при совершении единичных преступлений, т.е. не на общем и не на особенном уровне, а только на единичном; а они не социального класса, а психического.

Следовательно, этот тезис криминологов не повысил уровень научности их теории преступности, а только глубже обнажил несостоятельность их измышлений, противоречащих диалектическому материализму.

В-четвертых, обозначение авторами данного учебника преступности явлением — реальным материальным образованием привело их к мысли, что преступление и преступность могут быть исследованы только во взаимосвязи, ибо они находятся в

диалектическом единстве [5, с.192]. Однако выделенное курсивом словосочетание в учении диалектического материализма не встречается. Это, мягко говоря, вымысел авторов этого учебника. Потому что преступность и преступление — две разные категории и по сути находится в единстве не могут, тем более в диалектическом. Поясню почему.

Термином «диалектика» классики марксизма и апологеты их учения обозначили философский метод, с помощью которого объясняли развитие природы, общества и мышления от простых форм к сложным, то есть эволюционный путь. В основу этого метода они положили три гегелевских идеалистических закона, переименованных ими на материалистический лад.

А слово «единство» в марксистской философии отражает всеобщую связь всех явлений (предметов) материального мира между собой. «Всеобщая связь», по умозрительному представлению радикальных материалистов, проявляется в том, что у всех видов материи в наличии имеются такие универсальные атрибуты (общие признаки), как движение, пространство, время и способность к саморазвитию [9, с.146]. К месту сказать, некоторые криминологи, определив преступность всамделишным явлением, безапелляционно заявили, что преступность также, как и материальные предметы, способна к саморазвитию через самодетерминирование [4, с.189].

Итак, диалектический материализм термином «единство» выражает универсальное взаимодействие единичных тел, обуславливает само существование конкретных материальных объектов. Благодаря всеобщей связи явлений мир представляет собой не хаотичное нагромождение явлений, а единый закономерный процесс развития (или движения). Поэтому преступность к материальным объектам действительности никакого отношения не имеет, ибо она диалектически (эволюционно) не развивается.

Кроме того, можно привести еще один аргумент, подтверждающий, что преступление и преступность не могут находиться не только в диалектическом единстве, но они вообще по определению не могут быть связаны между собой, так как они, повторю вновь, две разные сущности. Преступление — реальное явление, преступность — вымышленное явление; преступление — действительное событие, преступность — абстрактное понятие, поэтому эти категории детерминируются разными специфическими законами: первая — психическими, личностными, а вторая — логическими, мысленными.

В-пятых, авторы рассматриваемого учебника, продолжая необоснованно утверждать реальность такого явления как преступность, высказали оче-

редную весьма сомнительную мысль, которая также противоречит учению диалектического материализма. Они пишут, что каждое преступление по отдельности рассматривается как случайное явление, ибо оно могло как быть, так и не быть. Преступность же в целом есть явление закономерное, необходимое, которое «прокладывает себе дорогу через массу случайностей» [5, с.200].

Диалектический же материализм, к их сведению, категории «необходимость» и «случайность» друг от друга не разделяет, а рассматривает их в органической, закономерной связи и взаимозависимости между собой [1, с.259]. Классики марксизма и апологеты этого учения в каждом явлении призывали выделять существенные (необходимые) и несущественные (случайные) свойства. Приверженцы материалистической диалектики говорили прямо и ясно: «нужно вскрывать за случайными связями явлений их необходимый характер» [9, с.303]. В этой связи они полагали, что так называемые «случайные» явления есть цепь непознанных или недостаточно познанных причин.

Если бы криминологи действительно методологически руководствовались положениями диалектического материализма, тогда они должны были бы вскрывать необходимый (закономерный) характер каждого преступления по отдельности, а не преступности в целом. Рассуждая с диалектико-материалистических позиций, можно сказать, что в объективной действительности нет никаких случайностей. Также и в действиях субъекта нет никаких случайностей, ибо любое умышленное и неумышленное преступление закономерно, потому что действия индивида произошли на основе осознанных конкретных мотивов, не прояви которых преступления не произошли бы.

Таким образом, можно заключить, что каждое преступление представляет собой закономерное действие, а преступность всего лишь их совокупность.

Кроме обозначения преступности социальным явлением, авторы рассматриваемого учебника сравнивают ее и с социальной системой [5, с.206], что также вызывает сомнение. Поэтому есть необходимость проанализировать сущность термина «система» с философской, социологической и лингвистической сторон и сделать соответствующий вывод.

Итак, философский словарь материалистического толка под термином система понимает множество связанных между собой элементов, которые образуют определенное целостное, не разложимое на части образование. «Системный объект неразложим на отдельные элементы и отношения между ними» [9, с.405].

И еще одна характерная черта системного объекта — он познается целиком, а не частями. Если

целостный объект как система не разложим на части, то преступность как статистическое образование всегда разложима на части, что способствует ее изучению. Следовательно, она к системному объекту не относится.

Но криминологи объявили преступность системой социальной, а социальные образования разложимы на части. Поэтому мы должны понять сущность социальной системы с позиции соответствия ее преступности. В этой связи обратимся к словарю по социологии, который систему «общество» раскладывает на несколько иерархических уровней, находящихся в отношении последовательного подчинения: отдельные личности, малые социальные группы, классы, нации и т.д. [2, с.304-305].

Из этого следует, что общество — живой социальный организм и человек в нем — биосоциальная единица, производящий своими действиями соответствующий продукт. Следовательно, преступность, как совокупность произведенных отдельными людьми преступлений, всего лишь атрибут жизнедеятельности общества — своеобразного социального организма.

Кроме того, любой социальной системе присущи системообразующие элементы: цель, иерархия, управление. Но этими признаками обладают лишь неформальные объединения людей криминальной направленности (организованные преступные группы и сообщества). Преступность, связанная с деятельностью криминальных организаций, будет рассматриваться всего лишь как атрибут, но не как социальная система.

Также и с лингвистической стороны термин «система» трактуется аналогичным образом — это нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей. Этот же источник — словарь русского языка С.И. Ожегова в качестве социальной системы рассматривает совокупность определенных организаций (учреждений), однородных по своим задачам и в этой связи объединенных в одно целое. Под эти позиции подходят опять же преступные группы и сообщества.

Если общество разложимо, то и отдельные социальные объединения также разложимы вплоть до единичного конкретного человека. Поэтому и организованные преступные сообщества также разложимы, но их можно рассматривать как квазисистемы.

Итак, всесторонний анализ понятия «система» однозначно показывает, что преступность не является социальной системой, а лишь ее продуктом.

В этой связи нужно отметить, что еще в XIX веке философы так называемое «системосозидающее мышление» относили к опасным явлениям (видимо, опасным для науки). Суть такого мышления

заключается в том, что эти авторы вначале умозрительно пытаются создать воображаемую систему, а затем имитировать ее как действительную, приписывая ей надуманные признаки, свойства и характеристики [10, с.416]. Возрождение этой особенности мышления, полагаю, нужно активно пресекать.

Итак, если преступность не явление и не система, как пытаются нам навязать свое представление о ней криминологи-детерминисты, то, следовательно, преступность нужно рассматривать в качестве криминологического термина, которым обозначается вся совокупность зарегистрированных преступлений и выявленных лиц, их совершивших, на определенной территории и за конкретный период времени. А всякая иная ее трактовка будет означать квазинаучное представление этих авторов.

Литература

1. Диалектический материализм. Учеб. пособие / под ред. А.П.Шептулина. — М.: «Высш. школа», 1974.
2. Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина; сост. Э.М. Коржева, Н.Ф. Наумова. — М.: Политиздат, 1989.
3. Криминология. — М.: «Юрид.лит.», 1966.
4. Криминология. Учебник для юридических вузов / под ред. А.И. Долговой — М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997.
5. Криминология: Учебник для студентов вузов / [Г. А. Аванесов и др.]; под ред. Г.А. Аванесова. 6-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015.
6. Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и её причины. Преступник. — М.: «Юрид. лит», 1985.
7. Материалистическая диалектика. Краткий очерк теории / П.Н. Федосеев, И.Т. Фролов,

В.А. Лекторский и др. 2-е изд., доп. — М.: Политиздат, 1985.

8. Ожегов С.И. Словарь русского языка /под ред. Н.Ю. Шведовой. 14-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1983.
9. Философский словарь / под ред. М.М. Рзенталя и П.Ф. Юдина. — М.: Политиздат, 1963.
10. Философский энциклопедический словарь. — М.: ИНФРА-М., 2003.

References

1. Dialectical materialism. Textbook allowance / ed. A.P. Sheptulin. - M.: "Higher. School ", 1974.
2. A Brief Dictionary of Sociology / Ed. ed. D.M. Gvishiani, N.I. Lapina; comp. EM. Korzheva, N.F. Naumova. - M.: Politizdat, 1989.
3. Criminology. - M.: "Yurid.lit.", 1966.
4. Criminology. Textbook for law schools / ed. A.I. Dolgovoy - M.: INFRA-M-NORMA, 1997.
5. Criminology: Textbook for university students / [G. A. Avanesov et al.]; under the editorship of G.A. Avanesova. 6th ed., Revised. and add. M.: UNITY-DANA, 2015.
6. The course of Soviet criminology: Subject. Methodology. Crime and its causes. Criminal. M.: "Jurid. lit." 1985.
7. Materialist dialectics. A brief outline of the theory / P.N. Fedoseev, I.T. Frolov, V.A. Lecture and others. 2nd ed., Ext. - M.: Politizdat, 1985.
8. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language / ed. N.Yu. Swede. 14th ed., Stereotype. - M.: Rus. ide., 1983.
9. Philosophical Dictionary / Ed. M.M. Rzentala and P.F. Yudina. - M: Politizdat, 1963.
10. Philosophical Encyclopedic Dictionary. - M.: INFRA-M., 2003.